

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БИБЛОГРАФІА.

Морской Сборникъ 1864 года, № 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12.

Съ окончаніемъ кавказской войны, составлявшей какъ бы отдѣльный эпизодъ утвержденія русскаго владычества въ Азій, особенное значеніе получаютъ двѣ другія мѣстности на азіатской границѣ Россіи, именно часть границы съ средней Азіей и приамурскія земли. Окончательное усмиреніе горскаго кавказскаго населенія имѣетъ весьма важное значеніе для обороны нашей закавказской границы и вообще закавказскихъ владѣній. Теперь оборона эта можетъ считаться вполне обезпеченною; для Кавказа кончился уже, такъ сказать, военный періодъ его существованія и замѣняется періодомъ гражданскаго устройства и промышленнаго развитія края.

Совсѣмъ другое на остальной азіатской границѣ Россіи: въ средней Азій граница эта еще не установилась, отношенія къ сосѣдямъ далеко не выяснились и не опредѣлились окончательно; здѣсь еще многое придется пролагать военною силою, прежде чѣмъ будетъ возможность установить совершенное спокойствіе и безопасность отъ набѣговъ. Точно также и на отдаленной границѣ Сибири, прилегающей къ Восточному океану и гдѣ занятіе и устройство страны еще не установилось, нужна вооруженная сила для охраненія всѣхъ зачатковъ тамошней гражданственности.

Эти-то обстоятельства и придають большой интересъ изученію современнаго состоянія какъ прилежащихъ къ границамъ Россіи средне-азіатскихъ владѣній, такъ и недавно приобрѣтенныхъ Россіею областей на Амурѣ и по побережью Вос-

точного океана. Обѣ обоихъ этихъ пространствахъ, особенно же о послѣднемъ изъ нихъ, постоянно можно было встрѣчать весьма обширные матеріалы въ „Морскомъ Сборникѣ“, который никогда не упускаетъ случая обращать вниманіе своихъ читателей на мѣстности, ~~могушія~~ имѣть хоть какое-либо значеніе для развитія нашихъ морскихъ силъ. Такъ и въ разсматриваемыхъ прошлогоднихъ нумерахъ этого журнала мы встрѣчаемъ нѣсколько замѣчательныхъ статей по этому предмету. Статьи эти слѣдующія: въ № 8 и 9: „Хива и рѣка Аму-Дарья“, г. М. Иванина; въ № 9: „Самый удобный путь для развитія морской торговли на Каспій и торговли съ среднею Азіею“, г. В. Бутыркина, и въ № 12: „Николаевскъ-на-Амурѣ“, г. Д. Афонасьева.

Статья г. Иванина знакомитъ насъ съ краемъ, который, несмотря на свои частыя сношенія съ Россіею, на близость его къ предѣламъ Россіи и, наконецъ, несмотря на представляемый имъ интересъ по его гидротехническимъ сооруженіямъ, все еще чрезвычайно мало извѣстенъ. Можно почти безошибочно сказать, что описаніе Хивы г. Иванина представляетъ первое полное и систематически-изложенное собраніе всѣхъ данныхъ, относящихся до этой страны. Данные эти получены изъ распросовъ плѣнныхъ, содержащихся въ Хивѣ и вынужденныхъ отсюда, распросовъ, частью повѣренныхъ самимъ г. Иванинимъ.

Въ статьѣ своей г. Иванинъ сообщаетъ много любопытныхъ свѣдѣній о системѣ каналовъ устроенной хивинцами для орошенія полей, а также о мѣрахъ, принимаемыхъ постоянно для ихъ поддержанія; не менѣе интересны свѣдѣнія, сообщаемыя и о промышленномъ состояніи страны. Что въ особенности возбуждаетъ довѣріе къ свѣдѣніямъ, приводимымъ г. Иванинимъ, это именно то обстоятельство, что авторъ не увлекается числовыми данными, которыхъ, конечно, здѣсь не можетъ быть, но которые, тѣмъ не менѣе, часто приводятся исследователями, будучи составляемы по ихъ собственнымъ сообщеніямъ.

Свѣдѣнія, приводимыя авторомъ, относятся преимущественно къ тридцатымъ годамъ. Конечно, винить въ этомъ нельзя автора; что же дѣлать, если вове нетъ повѣрѣннѣйшихъ свѣдѣній! Но можно дѣйствительно пожалѣть, что авторъ слишкомъ много, кажется, придаетъ значенія этимъ западнымъ свѣдѣніямъ, между тѣмъ какъ очень можетъ, что, при тѣхъ волненіяхъ и

смутахъ, которыя почти не прерываются въ средне-азиатскихъ ханствахъ, данныя, приводимыя г. Ивановымъ, значительно уже измѣнились. Поэтому-то казалось бы недостаточно только однихъ топографическихъ и статистическихъ данныхъ для ознакомленія съ Хивою: необходимо нужно было бы дать и нѣсколько болѣе обстоятельное понятіе о политическомъ ея устройствѣ, о тѣхъ смутахъ, которыя нерѣдко волнуютъ ханство, о смѣнѣ правителей, объ отношеніяхъ къ сосѣдямъ и т. под. Свѣдѣнія эти лучше всего охарактеризовали бы страну и, быть можетъ, привели бы къ крайне неутѣшительнымъ результатамъ, и далекимъ отъ того, что можно вывести изъ статьи г. Иванова. На основаніи данныхъ, приводимыхъ статьей, можно составить себѣ весьма выгодное понятіе о Хивѣ. Вотъ какъ самъ авторъ, въ заключеніе своей статьи, очерчиваетъ состояніе ея:

„Изъ всего вышеописаннаго—говорить онъ—видно, что Хивинское ханство находится еще на низкой степени образованія; но земледѣліе, садоводство и гидротехническія работы тамъ въ хорошемъ состояніи.

„Хотя въ домашнемъ быту этого народа замѣтны еще слѣды прежней кочевой жизни, но, тѣмъ не менѣе, осѣдлое населеніе постоянно увеличивается въ ханствѣ, число народа умножается, каналы расширяются и увеличиваются въ длину, вырываются новые; а кочевые народы, поощреніями и льготами хана, склоняются къ осѣдлости и основываютъ новыя селенія. Вліяніе хана на окрестные кочевые народы тоже распространяется. Впрочемъ, въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, Хива сильна болѣе слабостію своихъ сосѣдей и окружающими ее степями, неудобными къ проходу значительному числу войскъ, нежели развитіемъ собственныхъ способовъ и силъ.“

Въ заключеніе г. Ивановъ указываетъ, что Хива въ существенныхъ своихъ потребностяхъ много зависитъ отъ Россіи, что многіе товары, напримѣръ металлы, хивинцы могутъ получать только изъ Россіи, и что только намъ они вынуждены обывать свои товары, такъ какъ не могутъ выгодно сбывать ихъ ни въ Персію, ни въ Вухару, ни въ Авганистанъ. Но спрашивается: отчего же, при всемъ этомъ, у насъ нѣтъ торговли съ Хивою, отчего даже бухарцы, торгующіе съ нами, предпочитаютъ кружные пути, лишь бы избѣжать хивинскихъ владѣній? На эти-то вопросы, такъ сказать, относящіеся къ политической сферѣ, и нѣтъ отвѣтовъ въ статьѣ г. Иванова.

Остановимся теперь дѣскольکو на подробностяхъ, приводимыхъ г. Ивановымъ о вооруженныхъ силахъ Хивы: этотъ предметъ не безынтересенъ для читателей „Военнаго Сборника“, и притомъ очеркъ военныхъ силъ Хивинскаго ханства можетъ дать нѣкоторое понятіе вообще о крайне-младенческомъ состояніи военнаго дѣла въ другихъ ханствахъ средней Азіи.

Войско хивинскаго хана состоитъ: 1) изъ подданныхъ ему, служащихъ на жалованьи и принадлежащихъ къ племенамъ сартовъ и узбековъ; 2) изъ туркменовъ, живущихъ на ханскихъ земляхъ, и 3) туркменовъ и киргизовъ, кочующихъ близъ хивинскихъ владѣній, а также изъ каракалпаковъ. Войска послѣднихъ двухъ категорій не получаютъ отъ хана ни жалованья, ни продовольствія, но, привлекаемые грабежомъ, охотно идутъ на войну и бываютъ довольно многочисленны. Вообще изъ воиновъ хана, по отзыву г. Иванова, туркмены считаются храбрѣйшими, но они болѣе пылки, чѣмъ мужественны; первыя атаки ихъ бываютъ стремительны, но стоитъ только выдержать и отразить одну, двѣ такихъ атакъ, и они теряютъ смѣлость; при нападении на нихъ оказываютъ слабое сопротивленіе и обращаются въ бѣгство. Каракалпаки, напротивъ, не такъ пылки, но стойче, особенно при оборонѣ. Узбеки тоже считаются храбрыми воинами; сарты же, напротивъ, трусливы и малодушны.

Изъ этого отзыва видно, что та часть войскъ, которая приходится на жалованьи хана и состоитъ на половину изъ трусливыхъ сартовъ, не можетъ быть очень хороша; а, между тѣмъ, она составляетъ главное основаніе хивинскихъ войскъ.

Въ войско первой категоріи записываются по преимуществу люди бѣдные, такъ какъ и они и семейства ихъ освобождены отъ податей и работъ на ханскихъ каналахъ. Каждый записывающійся въ войско долженъ имѣть надежную лошадь, на которой кладется тавро и на которой онъ долженъ выступать въ походъ. Простые воины, послѣ каждаго сдѣланнаго ими похода, получаютъ по пяти золотыхъ (золотой около 15 рублей); чиновники же, смотря по заслугамъ и милости хана, получаютъ по 10, 20, 50, 100 и больше золотыхъ: напримѣръ, бій (тысящій) получаетъ отъ 50 до 100 золотыхъ, а юсъ-баша или сотскій отъ 10 до 20. Впрочемъ, только одни чиновники получаютъ жалованье деньгами, простымъ же воинамъ оно обыкновенно выдается хлѣбомъ, по назначенной ханомъ цѣнѣ. Въ мир-

ное время войны живутъ на своей землѣ и содержанія не получаютъ. Войско это, простирающееся числительностію до 40,000, очень дурно. Лошади хотя и требуются хорошия, но какъ за павшую въ походъ лошадь ханъ даетъ всего пять золотыхъ, а лошади, отъ недостатковъ въ походахъ, часто погибаютъ, тѣ многіе берутъ въ походъ дурныхъ лошадей; другіе же вмѣсто себя посылаютъ работниковъ. Взяточничество тамошнихъ чиновниковъ покрываетъ всѣ эти злоупотребленія.

Когда ханъ намѣренъ предпринять какой-либо походъ, то обыкновенно за нѣсколько недель раньше даетъ объ этомъ знать на базарахъ, съ тѣмъ, чтобы войны, назначенные въ походъ, приготовлялись и откармливали своихъ лошадей. При этомъ назначаютъ время и мѣсто сбора. По наступленіи назначеннаго времени, ханъ или братъ его выступаетъ въ походъ съ приближенными къ нему, съ артиллерією и съ находящимися въ окрестностяхъ Хивы войсками, состоящими преимущественно изъ сартовъ; отдавъ въ то же время приказъ, чтобы и живущіе въ другихъ мѣстахъ, но не собравшіе еще войны слѣдовали по тому же направленію и догоняли передовый отрядъ. Выступивъ въ походъ, ханъ останавливается гдѣ-нибудь въ степи и дожидается сбора войскъ по 10 и 15 дней. Въ походъ войско не получаетъ отъ хана никакого продовольствія: войны должны сами кормить и содержать себя. Обыкновенно два или три война складываются и заводятъ верблюда; на котораго навьючиваютъ продовольственныхъ припасовъ мешки на полтора и болѣе; но бѣднѣе, на той же лошади, на которой сами ѣдутъ, везутъ скудное свое продовольствіе и, въ случаѣ недостатка, живутъ воровствомъ и грабежемъ; ловятъ и рѣжутъ по дорогѣ чужихъ лошадей и скотъ. Отличившимся войнамъ ханъ выдаетъ изъ своего арсенала ружья, пули и порохъ. Лучшіе стрѣлки, въ походъ и въ сраженіи, находятся подлѣ хана, охраняютъ его и употребляютъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ; ихъ считаютъ до 1,000 человекъ. Прочіе войны вооружаются чѣмъ кто можетъ. Вообще ружья имѣютъ очень немногіе, и главное оружіе хивинскихъ воиновъ состоитъ въ копьяхъ, саблѣ, чепанѣ (кинжалѣ) и лукѣ, которыми они дѣйствуютъ хорошо. Ружья и винтовки ихъ тяжелы, безъ курковъ, съ фитилями. Хивинцы стрѣляютъ положивъ ружье на подставку, которую везутъ съ собою; они стрѣляютъ медленно, но довольно мѣтко; во 100 саженьяхъ попадаютъ въ чело-

вѣка; пули хивинцы сами отливаютъ изъ свинца, въ медяннхъ формахъ.

Съ войскомъ въ походъ слѣдуетъ и артиллерія. Лучшимъ свидѣтельствомъ того состоянія, въ которомъ она находится, можетъ служить фактъ, что въ 1838 году начальникомъ артиллеріи хана былъ нашъ престыянинъ Василій Даврентьевъ, взятый въ плѣнъ на Каспійскомъ морѣ и проданный въ Хиву.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Иваничнымъ, артиллерія хивинцевъ немногочисленна, и хотя у ханскаго дворца въ г. Хивѣ и лежитъ до 26 орудій малаго калибра, но изъ нихъ только восемь имѣютъ лафеты и употребляются въ походахъ. Орудія эти, нехорошо отлиты, имѣютъ раковины и стрѣляютъ не вѣрно, а по дурному качеству пороха и не на дальнее разстояніе — не болѣе какъ на 100 или 150 сажень. Ядра въ Хивѣ теперь начали лишь чугунныя, прежде же ковали желѣзныя; но хивинцы не умѣютъ отливать ядра правильной формы и давать имъ величину соразмѣрную съ калибромъ орудія. При стрѣльбѣ, ядра обматываютъ въ войлокъ или въ тряпичу и такимъ образомъ загоняютъ въ дуло.

Порохъ хивинцы дѣлаютъ сами и продаютъ его на базарахъ; но онъ очень плохъ. Впрочемъ, по увѣренію плѣнныхъ, въ Хивѣ есть и нашъ порохъ. Артиллерійская прислуга при трехъ орудіяхъ состояла, въ 1838 году, изъ русскихъ плѣнныхъ, но четыре человѣка при каждомъ орудіи, а при остальныхъ орудіяхъ — изъ персидскихъ невольниковъ. Прислуга эта не умѣла хорошо дѣйствовать орудіями: во 100 шагахъ не попадали въ цѣль. Нынѣшній ханъ, для своей потѣхи, дѣлаетъ иногда артиллерійскія ученья и требуетъ только, чтобы звукъ отъ выстрѣловъ былъ сильнѣе и чтобы скорѣе стрѣляли; на вѣрность же выстрѣловъ не обращаетъ вниманія. Иногда ханъ осужденныхъ за преступленія разстрѣливаетъ пушками, привязавъ преступника къ жерлу орудія; при этомъ стрѣляютъ одними войлочными пыжами.

Орудія въ походъ возятъ на четырехъ, на пяти и болѣе лошадахъ, а порохъ и заряды на вьюкахъ. Вообще хивинская артиллерія для регулярныхъ войскъ вовсе же опасна, да и самими хивинцами употребляется болѣе для внушенія страха не вѣжественнымъ кочующимъ народамъ.

Таковы свѣдѣнія, собранныя г. Иваничнымъ о хивинскомъ войскѣ. Хотя они относятся къ тридцатымъ или сороковымъ

годамъ, однако, судя по неподвижности азиатскихъ государствъ и народовъ, можно почти безошибочно сказать, что они едва ли изменились и въ настоящее время.

Статья г. В. Бутыркина: „Самый удобный путь для развитія морской торговли на Каспій“, находится въ весьма близкомъ соотношеніи съ статьею г. Иванина: послѣдній описываетъ нашу Хиву, г. Бутыркинъ указываетъ выгоды и необходимость торговыхъ сношеній съ нею и предлагаетъ наиболѣе удобный путь къ тому. До сихъ поръ торговля наша съ средне-азиатскими ханствами производилась караванами, весьма крупными и труднымъ путемъ, черезъ степи киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства. Въмсто этого пути г. Бутыркинъ предлагаетъ установить болѣе удобный, водный торговый путь, который пойдетъ Волгою до ея устья и далѣе до Красноводскаго залива, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, откуда до устья Аму-Дарьи всего только десять дней караваннаго пути. Но, прежде чѣмъ открыть этотъ путь, авторъ считаетъ необходимымъ завязать торговые сношенія съ кочевыми туркменами, занимающими степи между побережьями Каспія и хивинскимъ оазисомъ. По мнѣнію г. Бутыркина, племя это вовсе не такъ дико, какъ его часто представляли, и оно можетъ подчиниться торговымъ сношеніямъ.

„Племя туркменовъ—говорить г. Бутыркинъ—почуявшее въ этихъ степяхъ и по восточному берегу моря къ западу до границъ Персід, считается многими отличающимся разбойничествомъ. Но ближайшее знакомство съ нимъ совершенно противорѣчитъ тому. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приведу авторитетъ нашего уважаемаго академика Бера: въ отчетѣ своемъ за 1854 г. по изслѣдованію каспійскаго рыболовства, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Въ Ново-Петровскѣ туркмены вовсе не пользуются репутаціею народа столь дикого и разбойническаго, какъ у трусливыхъ персідъ“.

„Племя это воинственно—говорить далѣе г. Бутыркинъ—и отличается, правда, хищничествомъ, но лишь только относительно Персид. Измѣненіе этого порядка ихъ отношеній, при настоящемъ положеніи дѣлъ, трудно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что туркмены хотя и менѣе численною персовъ, но считаютъ себя выше ихъ по храбрости, да и дѣйствительно нѣтъ паралели между качествомъ и характеромъ этихъ двухъ соседнихъ намъ народовъ; во-вторыхъ, хищничество это представляетъ оригинальный, первобытный способъ

торговли оборотовъ. Цѣлю нападенія всегда бываетъ дѣйствіе персіянь. Простые плѣнники отвозятся въ Хиву, гдѣ продаются на базарахъ въ неволю, а богатые перепродаются дома и новыми покупателями везутся, моремъ, въ Персію для выкупа. Недалеко еще то время, когда это дѣлалось совершенно гласно, съ полнымъ убѣжденіемъ, что въ томъ нѣтъ ничего дурнаго. Однимъ словомъ, они смотрѣли и смотрятъ на это какъ на источникъ дохода.“

Чтобы отвлечь туркменовъ отъ хищническо-воровской жизни, г. Бутыркинъ предполагаетъ дать имъ другое занятіе, устроить нѣчто въ родѣ коммерческой факторіи на берегу Красноводскаго залива; сблизивъ же ихъ съ нами выгодами торговли, онъ полагаетъ открыть торговыя сношенія и съ средне-азіатскими ханствами. Все это онъ думаетъ начать въ самыхъ небольшихъ размѣрахъ, чтобы возможно меньше понести потерь при неудачѣ, а затѣмъ уже расширять постепенно торговыя операціи. Мы, конечно, не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе подробностей плана г. Бутыркина, но не можемъ не замѣтить, что планъ крайне заманчивъ по громадности представляемыхъ имъ выгодъ. На сколько же выгоды возможны въ действительности, не намъ судить объ этомъ.

Перейдемъ къ статьѣ г. Д. Афонасьева, относящейся до владѣній нашихъ на Восточномъ океанѣ. Статья эта прямо указываетъ на многочисленные недостатки Николаевска-на-Амурѣ въ коммерческомъ, административномъ и военномъ отношеніяхъ и высказываетъ всю несостоятельность этого пункта, какъ административнаго средоточія Приморской области Восточной Сибири и какъ военного нашего порта на Великомъ океанѣ. Но г. Афонасьевъ не ограничивается указаніемъ недостатковъ Николаевска: онъ предлагаетъ и средства для ихъ устраненія, именно перенесеніе административной части собственно приморскихъ странъ въ Хабаровку, лежащую при впаденіи Уссури въ Амуръ, а управленія всѣмъ поморьемъ въ Петропавловскъ; затѣмъ коммерческій и военный портъ онъ предлагаетъ устроить въ заливѣ де-Кастри, который во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе устья Амура и имѣетъ близкое и легкое сообщеніе съ этой рѣкой черезъ небольшой перешеекъ и черезъ озеро Квеви (всего около 60 верстъ).

Относительно Хабаровки авторъ выставляетъ ея преимущества, какъ центрального пункта во всей амурской рѣчной

системъ. Преимущества эти оценены самими поселенцами, которые больше всего жмутся къ этому пункту. „Въ проѣздъ мой по Амуру въ 1862 году—говоритъ г. Афонасьевъ—самое живое и самое отрадное впечатлѣніе я получилъ въ Хабаровкѣ. Можетъ быть, виной этому былъ хорошій день и налая-нибудь не замѣченная мною особенность обстановки, но мнѣ казалось, что тамъ люди живутъ и хлопочутъ о чемъ-то дѣлательно, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ меня поражала общая мертвенность. Хабаровна больше ничего, какъ штабъ линейнаго батальона, нижніе чины втораго разсыпаны по Приморской области въ предѣлахъ Амурскаго края. Здѣсь ни крестьянскихъ, ни казачьихъ поселеній не дѣлалось, но поселенцы сами жмутся сюда и то одинъ, то другой выпрашиваютъ позволеніе пристроиться въ Хабаровкѣ; также и мѣстные торговые предприниматели находятъ для себя этотъ пунктъ самымъ удобнымъ.“

„Что касается до Кастри и Петропавловска, то оба эти пункта г. Афонасьевъ находитъ вполне необходимыми для побережья Восточнаго океана. „На устьѣ Амура—говоритъ онъ—непрерывно должны быть порты, какъ исходный пунктъ для экономическихъ проявленій этой области (Амурской); и, конечно, его выгоды имѣть въ Кастри, чѣмъ въ Николаевскѣ. Назначеніе такого порта—связывать интересы внутренняго края съ поморьемъ; и имѣть надобности дѣлать его административнымъ. Если въ немъ и можетъ водвориться административная власть, то единственно только высшая, власть генераль-губернатора, какъ власть, связывающая интересы двухъ разнородныхъ частей нашего крайняго востока. Петропавловскъ же, по всей справедливости, долженъ быть центромъ возбужденія нашего поморья по обѣ стороны океана; служить точкою опоры къ возстановленію морскихъ промысловъ и нашего коммерческаго флота на океанѣ. Природное назначеніе этихъ двухъ портовъ—не война, а мирный путь прогресса къ цивилизаціи востока, но одинъ—путь свободной торговли, а другой—администраціей, соответствующей природнымъ удобствамъ края.“

Разширеніе библиографической статьи не позволяютъ намъ входить во всѣ подробности тѣхъ доводовъ, которые приводитъ г. Афонасьевъ въ подтвержденіе своихъ нападокъ на Николаевскъ; тѣмъ не менѣе не можемъ не привести хотя вкратцѣ замѣчаній автора противъ военнаго значенія этого пункта. „Безспорно—говоритъ г. Афонасьевъ—что Нико-

лаевскъ превосходенъ для морскаго арсенала въ томъ отношеніи, что природа укрѣпила его такъ, что никакой неприятель не рискнетъ идти и не пройдетъ къ нему; немного найдется охотниковъ идти въ лиманъ, переваливаться съ мели на мель; когда нѣтъ ни вѣвъ, ни лопмановъ, и потомъ засѣсть еще на баръ, между тѣмъ какъ изъ-за каждаго мыса можетъ разгромить его какое-нибудь тяжеловѣсное ядро (*). Но если Николаевскъ недоступенъ для неприятеля, то онъ одинаково недоступенъ и для насъ, и важно то, что эта недоступность одинакова и въ мирное и въ военное время. Какъ въ ожиданіи войны, такъ и во время самой войны Николаевскъ не можетъ ни приготовить крейсера надежнымъ исправленіемъ и вооруженіемъ, ни снабдить его чѣмъ бы то ни было, потому что крейсеръ этотъ не можетъ пройти черезъ баръ. Для Кастри же такое изготовленіе возможно въ продолженіе семи мѣсяцевъ, и притомъ онъ можетъ имѣть постоянные доки для осмотра судовъ и для направленія ихъ, что удобнѣе и надежнѣе шлювучихъ. Во время войны Николаевскъ положительно не можетъ принимать въ ней никакого полезнаго участія и ничего не можетъ выслать въ океанъ для снабженія эскадры уже потому одному, что блокада его очень удобна: стоитъ только блокирующимъ войти въ лиманъ и стать на якорь на Сахалинскомъ каналѣ: тогда ни одно судно не будетъ въ состояніи пройти незамѣченнымъ по лиману ни въ сѣверъ, ни въ югъ. Между тѣмъ Кастри, обладая большими удобствами и большою полезностію въ мирное время, готовитъ планъ сълагать крейсеровъ и можетъ снабжать ихъ во время войны, не стѣсняясь блокадой, которая въ отношеніи Кастри очень затруднительна: блокирующій здѣсь долженъ держаться въ морѣ при входѣ въ заливъ, между тѣмъ какъ въ этомъ морѣ дуютъ жестокіе NO и SW и очень часты густые туманы. Защита Кастри, конечно, не такъ обезпечена, какъ Николаевска; но она можетъ быть очень существенна, и нѣтъ причинъ въ этомъ отношеніи приходить въ сомнѣніе. Даже если и допустить, что Кастри можетъ быть сожжена бомбардированіемъ, такъ эта еще не Вогъ-знаетъ какая потеря, когда имѣется подъ бокомъ Ма-

(*). «Въ отношеніи защиты собственно входа въ рѣку Амуръ, въ чемъ будто бы одно изъ важныхъ назначеній Николаевска, мы положительно можемъ сказать, что если на неприятельской эскадрѣ не будетъ лопмановъ, то она не пройдетъ въ это устье; но если существуетъ Николаевскъ, то лопманами всегда будутъ шкипера и матросы иностранныхъ судовъ; если же портъ будетъ уничтоженъ, то и существованіе лопмановъ прекратится.» *Прим. автора.*

ринскъ, гдѣ жители всегда могутъ укрыться. Но мы положи-
тельно думаемъ, что атака такого тѣснаго рейда, какъ Кастри,
далеко неудобна; когда на его высокихъ мысахъ стоятъ хоро-
шія пушки. Притомъ Кастри все-таки защищается своимъ кли-
матомъ, своей суровой зимой, когда морозы въ 30° не рѣдкость.
Эта гавань не Саластополь, гдѣ можно было дѣйствовать круглый
годъ, и въ Кастри нельзя уже очень много развернуться, а для
одной атаки съ моря всегда найдется средства въ отраженіи.
Впрочемъ, для порта, имѣющаго назначеніе быть передовымъ
пунктомъ въ дѣлѣ развитія края и удовлетворенія нуждъ на
поморья, главнѣйшая забота о защитѣ, въ ущербъ всѣхъ пре-
чужимъ интересамъ, вовсе не годится. Война когда-то она еще
будетъ, да она и не должна страшить война, если у него есть
хорошее оружіе. Если назвать военный портъ на Восточномъ
океанѣ будетъ и совершенно открытъ для атаки неприятеля, то
въ этомъ имѣтъ еще большой бѣды, и польза, которую онъ
принесетъ своей доступностію во время мира, и вредъ, какой
сдѣлаютъ снаряженные имъ крейсера неприятельской торговлѣ
и неприятельскимъ колоніямъ, всегда выкупаютъ временное по-
жертвованіе и даже уничтоженіе. Во время войны, когда тра-
тятся съ обѣихъ сторонъ сотни милліоновъ, разгромъ такого
порта; какъ Кастри, который и весь-то, со всѣми затѣями, не
можетъ стоить дороже двухъ милліоновъ рублей, не составитъ
значительной утраты; да и право лучше подвергнуть портъ
возможному разрушенію, чѣмъ имѣть его съ безпримѣрной за-
щитой Николаевска, которая уже до того сильна, что не позво-
ляетъ ему думать и думать, что-нибудь полегаетъ: это датиши
въ доспѣхахъ, превышающихъ его силу.

Нельзя не признать справедливости за соображеніями авто-
ра; потому что, дѣйствительно, для вновь приобретеннаго при-
брежья Восточнаго океана особенно важно устройство такого
порта, который бы болѣе глядѣлъ, такъ сказать, въ море, а
не въ сукопутью; только съ моря и самый портъ, а черезъ
него и вся страна, можетъ ожидать шансовъ для своего раз-
витія, а, между тѣмъ, Николаевскъ слишкомъ связанъ съ рѣ-
кою, при устьѣ которой лежитъ, и отдѣленъ отъ моря, кото-
рое должно питать его. При выборѣ этого пункта болѣе всего
руководствовались сильнымъ оборонительнымъ его положеніемъ.
Это и понятно, такъ какъ онъ былъ набранъ во время войны;
но теперь слѣдуетъ озаботиться о томъ, чтобы содѣйствовать

промышленному развитію страны. Къ этому и должна быть направлена вся дѣятельность, а военныя соображенія по необходимости отодвинуты на второй планъ: они нужны будутъ для охраненія собственно наиболѣе процвѣтающаго пункта, такъ чтобы не торговые интересы примѣнялись къ военнымъ требованіямъ, а наоборотъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Афонасевъ, что исполнѣ неосновательна идея, что капитальными сооруженіями отъ правительства, выходя притоки денегъ на извѣстную мѣстность, можно возбудить движеніе, дая жизнь странѣ. „Никакія затраты—говоритъ онъ—по постройкамъ не возбуждаютъ прочнаго, полезнаго движенія; казармы, батареи, крѣпости и т. п. казенныя сооруженія не дадутъ постоянныхъ средствъ къ обогащенію массы, къ прочному водворенію полезныхъ промысловъ, не укажутъ выгодныхъ путей для торговли. Въ Амурскомъ краѣ только свободное изпользованіе естественными произведеніями страны да возбужденіе на поморьѣ, различными льготами, морскихъ промысловъ могутъ обогащать массу, возбуждать дѣйствительное, прочное и необходимое движеніе и восстановить намъ коммерческій снѣгъ на океанѣ. Прежде слѣдуетъ дать жизнь краю, но жизнь свободного развитія, соответствующую нуждамъ, обогащающую и научающую жителей, а потомъ уже, по мѣрѣ развитія этой жизни, вести и развитіе военныхъ средствъ защиты.“

Еще на одно обстоятельство г. Афонасевъ обращаетъ вниманіе: чтобы средства самой обороны страны не были напрасно разбросаны, почему онъ положительно отвергаетъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ, сооруженіе военного порта въ одной изъ южныхъ гаваней принадлежащаго намъ побережья Восточнаго океана. Устройство подобнаго порта стоило бы огромныхъ пожертвованій и, въ случаѣ войны, прямо привлекло бы на него удары непріятеля. Для побережья этого особенно нуженъ и важенъ коммерческій портъ, а не военный. Предлагая устройство порта въ Кастрі, г. Афонасевъ тоже далеко отъ мысли видѣть въ немъ исключительно-военный портъ; напротивъ, онъ полагаетъ, что военное значеніе порта должно подчиняться требованіямъ коммерческимъ. Это тѣмъ болѣе важно и возможно, что дѣйствительно не представляется особенной надобности имѣть намъ на Восточномъ океанѣ особенно грозный военный портъ, исключительно военный морской арсеналъ.

Справедливость этого г. Аоонасьевъ поддерживаетъ слѣдующими весьма основательными доводами:

„Составъ океанской эскадры можетъ и долженъ быть всегда переменный. Изъ балтійскаго флота, какъ оно и есть въ настоящее время. Система переменнаго состава, снабжая постоянно океанскую эскадру судами вполне современныхъ качествъ, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность балтійскому флоту видѣть въ своей сѣрѣ большое число дальновозможныхъ командъ и испытанныхъ въ морскомъ дѣлѣ офицеровъ; а эта выгода, при немѣлкихъ опытной помощи отъ коммерческаго флота, даетъ общему составу флота нѣтъ малыхъ незамѣлимыхъ выгоды. Эта система съ такими судами, какія имѣются у насъ въ настоящее время для дальнихъ плаваній, устраняетъ всякій поводъ съ нашей стороны становиться за багарен, и мы смѣло можемъ пытаться счастье въ крэйсерствахъ у береговъ непріятельскихъ колоній и на линияхъ для торговаго плаванія. Въ то же время, при переменномъ составѣ эскадры, въ ней всегда будутъ состоять только новыя и крѣпкія и во всѣхъ отношеніяхъ исправныя суда, для которыхъ большія исправленія составятъ необычное явленіе и возможны только въ рѣдкихъ случаяхъ значительныхъ аварій.“

Наконецъ устройство большого морскаго порта на прибрежьи Восточнаго океана должно быть затруднительно и отъносительно самаго исполненія по общей еще неразработанности края. Примеръ прошедшаго указываетъ, что капитальные предпріятія нелегко и нескоро совпадаются на Амурѣ. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить амурскій телеграфъ, который, по словамъ корреспондента „Морскаго Сборника“, приводимого г. Аоонасьевымъ, хотя и проложенъ отъ Николаевска на 300 верстъ, но не дѣйствуетъ, потому что столбы попадали, а по просьбамъ нельзя ѣздить по нерасчищенной. „Талей четырехлѣтній успѣхъ—замѣчаетъ г. Аоонасьевъ—дастъ понятіе о времени окончанія всей телеграфной линіи на двѣ тысячи верстъ, и мы вполне раздѣляемъ мнѣніе означеннаго корреспондента, что телеграфъ существуетъ только на бумагѣ, въ газетныхъ статьяхъ, а на дѣлѣ онъ не удовлетворяетъ назначенію.“ Главное затрудненіе при устройствѣ телеграфа заключается въ томъ, что его приходится прокладывать по совершенно пустыннымъ, не заселеннымъ и мало извѣстнымъ странамъ; для постройки телеграфа необходимо прежде всего расчистить мѣсто по линіи телеграфа, сдѣлать просьбы черезъ

лѣса, выкорчевать пни, проложить гати черезъ болота, а черезъ рѣчки мосты или паромы; и устранить по возможности изъездныя дороги. Самыя дороги эти пролезаютъ по сложнѣйшимъ тундроподобнымъ болотамъ, почему необходимо нужно дороги обводить канавами, которыя бы осушали тѣ мѣста, гдѣ должны стоять столбы, безъ чего самая постановка ихъ крайне непрочна. Все это, конечно, представляетъ гигантскую работу; исполненіе которой затруднено немыслимъ въ край свободныхъ рукъ для ихъ производства. Но необходимости приходится прибѣгать къ казенному труду солдатъ, который давно уже признанъ за вполне несостоятельный, хотя и имѣетъ выгоду мнимо дешевой. На Амурѣ вообще, по отзыву г. Аюнашева, „государственныя работы рассчитываются очень дешево. Въ то время, какъ вольнонаемный поденщикъ стоитъ тамъ отъ 1 до 2 р. въ сутки, кромѣ пищи, солдатъ получаетъ обыкновенное свое содержаніе, т. е. паекъ и 18 руб. въ годъ приварочныхъ (на мясо, соль, зелень); къ этому за государственныя работы выдается по 6 р. въ годъ на человека, по расчету дней дѣйствительнаго нахождения на работѣ. Поэтому выходитъ 1½ и не болѣе 2 копѣекъ въ день заработныхъ; а, между тѣмъ, не очень-то весело пробродить съ топоромъ все лѣто въ лѣсной чащѣ, до позднихъ заморозковъ, въ одной казенной шинелишкѣ, по мокротѣ, въ избитой обуви и съ щипцей преимущественно сухарь да вода, потому что таскать на себѣ по лѣсамъ большіе запасы пищи нѣтъ никакой возможности. Положеніе матроса на Амурѣ въ этомъ случаѣ несравненно лучше. Матросъ получаетъ, на берегу, приварочныхъ мѣше противъ солдата—всего 12 руб., но за то въ казенныхъ работахъ онъ получаетъ по 16 коп. въ день заработныхъ; крѣпкомъ онъ по штату обмундированія одѣтъ теплѣе, и для назначаемыхъ въ казенныя работы выдаются казенныя полушубки, тоже по штату. Также большое имѣетъ значеніе, что половина матросовъ изъ акипана бываетъ ежегодно въ плѣнѣннѣ въ заграничномъ содержаніи. Все это вмѣстѣ даетъ возможность матросу заработать деньги для своихъ нуждъ; къ тому же онъ не строитъ телеграфовъ, а работаетъ въ портовыхъ мастерскихъ, что даетъ ему возможность жить полудски“.

Изъ другихъ статей въ рассматриваемыхъ нами номерахъ „Морскаго Сборника“, наибольшій интересъ для нашихъ читателей представляютъ многочисленныя свѣдѣнія, собранныя въ

отдѣлъ броненоснаго судостроенія о различныхъ системахъ броненосныхъ судовъ, строящихся въ разныхъ государствахъ; въ № 9 статья переведенная съ французскаго: „Конфедеративныя корсарскія суда и народное право“, а въ № 12 — „Объ орудіяхъ системы Парсона и Паллизера“, Р. Муссалюса, и „Нѣсколько указаній о десантахъ“, В. С.

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе первой изъ этихъ статей, представляющей современное состояніе вопроса о нейтральности въ международныхъ сношеніяхъ, скажемъ нѣсколько словъ о послѣднихъ двухъ, какъ заключающихъ въ себѣ болѣе общій интересъ.

Объ системѣ орудій Парсона и Паллизера, предложенныя въ Англіи, приобретаютъ важное значеніе потому въ особенности, что онѣ могутъ быть примѣнены къ изданію чугуныиъ орудіяхъ болшей прочности и, слѣдовательно, служить для употребленія съ пользою тѣхъ громаднхъ запасовъ этихъ орудій, которыя нѣбуются почти во всѣхъ государствахъ.

По системѣ Парсона, каналъ орудія состоитъ изъ трубы, приготовленной изъ стали или изъ кованаго желѣза; на наружной поверхности этой трубы сдѣлана по протяженію значительной доли ея длины винтовая нарѣзка, на которую навинчивается подобная же труба, на нее другая, третья и т. д., пока не будетъ дана орудію надлежащая толщина. Такіе и на дульную часть орудія могутъ быть отдѣльно навинчиваемы особыя трубы. Для приданія же болшей прочности чугуныиъ орудіямъ, Парсонсъ предлагаетъ разсверливать каналъ орудія со стороны казенной части въ коническую форму, діаметръ которой долженъ быть болше дѣйствительнаго калибра орудія, и вставлять въ эту разсверленную часть канала обточенную по формѣ и размѣрамъ снятой части металла коническую трубу (изъ кованаго желѣза, стали, однороднаго металла или изъ другаго надлежащаго качества матеріала), утверждая ее въ орудіи, заряжающемся съ дула, посредствомъ стального сплошнаго винта, винченнаго въ казенную часть орудія, а въ орудіи, заряжающемся съ казенной части—пустотѣлымъ винтомъ. Труба эта можетъ быть выкована изъ одного куска металла или состоять изъ нѣсколькихъ соединенныхъ между собою трубъ или долецъ, или, наконецъ, изъ внутренней трубы или системы трубъ, на которыя насаживаются или навинчиваются нѣсколько другихъ трубъ.

Кромѣ того Парсонсъ предлагаетъ особую форму варѣзокъ, одинаково применимыхъ какъ къ ручному огнестрѣльному оружію, такъ и къ артиллерійскимъ орудіямъ, хотя, впрочемъ, не специально назначенію ихъ, они предлагаются собственно для послѣднихъ. Наконецъ имъ же предложены и нѣкоторыя усовершенствованія въ наръзательныхъ станкахъ.

Что касается до орудій по системѣ капитана Паллизера, то основное правило для ихъ приготовленія состоитъ въ образованіи ствола изъ концентрическихъ трубъ, приготовленныхъ изъ различныхъ металловъ, или если изъ одного и того же, то различнымъ образомъ обработаннаго металла, съ тѣмъ, чтобы до возможности, на основаніи сравнительной упругости ихъ, ближе подойти къ тому, что если одна изъ трубъ доведена до предѣльнаго напряженія, то чтобы и всѣ остальные находились въ томъ же напряженномъ состояніи. Въ выданномъ Паллизеру патентѣ сказано, что способъ этотъ по существу своему отличается отъ всѣхъ до сихъ поръ привилегированныхъ системъ, предложенныхъ для уравнированія напряженій въ концентрическихъ трубахъ, подверженныхъ мгновенному или непрерывному напряженію, дѣйствующему на одну изъ внѣшнихъ трубъ. Такъ какъ сопротивленіе всякаго матеріала дѣйствию какой-либо силы измѣняется произведеніемъ изъ вызваннаго ею сопротивленія на величину растяженія, и такъ какъ внутренняя поверхность орудія подвергается наибольшему расширенію, то изъ этого слѣдуетъ, что если растяженный матеріалъ будетъ находиться во внутренности орудія, то онъ вызоветъ наибольшее участіе въ наружныхъ частяхъ орудія. Кромѣ того Паллизеръ предлагаетъ особый способъ запиранія съ конца казенной части канала орудія, особаго устройства сварды и наръзы, а также и новое средство для снѣжленія чугунныхъ орудій. Послѣднія трехъ родовъ и заключаются въ слѣдующемъ:

Предлагается снять съ чугуннаго орудія слой металла такой толщины, чтобы стѣна въ концѣ казенной части имѣла толщину около полудіаметра новаго канала орудія. Послѣ этого высверливается сообразный каналъ, обращенный большимъ основаніемъ къ дулу, и въ него вставляется цѣлая труба или нѣсколько трубъ, подобныхъ тѣмъ, изъ какихъ Паллизеръ дѣлаетъ свои орудія, но чтобы наружная поверхность этихъ трубъ имѣла соотвѣтственную каналу форму. Труба эта утверждается и удерживается на мѣстѣ пустотѣлымъ винтомъ, расположен-

нымъ на дульной части трубы и ввинчиваемымъ въ стѣны чугунаго орудія. Впрочемъ, то же самое можно достигнуть посредствомъ винта, ввинченнаго черезъ казенную часть чугунаго орудія въ самую трубку. Второй способъ заключается въ томъ, чтобы высверлить въ чугунномъ орудіи каналъ, который къ концу казенной части долженъ имѣть форму бутылки для содовой воды; въ этотъ каналъ вставляется труба со стороны дула; труба эта къ концу казенной части должна быть сужена. Затѣмъ чугунаго орудіе нагревается до температуры 1000° Фаренгейта, и черезъ особое отверстіе вливается артиллерійскій металлъ или другой какой-либо сплавъ. Металлъ этотъ, наполняя всѣ промежутки въ казенной части между трубою и чугуномъ орудія, предохраняетъ первую отъ перемѣненія.

Наконецъ, въ-третьихъ, Палливеръ предлагаетъ для упроченія чугунныхъ орудій отливать ихъ на стержни по американскому способу.

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Р. Мусселіусомъ, въ послѣднее время были произведены въ вуличскомъ арсеналѣ опыты надъ 32-фунтовою чугуною пушкою, скрѣпленною по системѣ капитана Паллизера, которые привели къ весьма хорошимъ результатамъ. Пушку испытывали зарядомъ въ 36 фунтовъ пороха и цилиндрическимъ снарядомъ, длину котораго при послѣдующихъ выстрѣлахъ постепенно увеличивали. Орудіе разорвалось на 107 пробномъ выстрѣлѣ. Вслѣдствіе этого, поручено было капитану Паллизеру примѣнить свою систему скрѣпленія къ большому числу старыхъ чугунныхъ орудій, надъ которыми предположено произвести рядъ дальнѣйшихъ испытаній, и если получатся удовлетворительные результаты, то тѣмъ самымъ разрѣшится вопросъ относительно возможности употребить въ дѣло огромные запасы существующихъ чугунныхъ орудій.

Кстати о капитанѣ Паллизерѣ: въ „Заграничной Морской Хроникѣ“ № 7 „Морскаго Сборника“ находимъ извѣстіе еще объ одномъ его открытіи, давшемъ тоже весьма хорошіе результаты. При описаніи июньскихъ опытовъ въ Шебуриессѣ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія:

„Нѣсколько опытовъ было произведено надъ остуженными (chilled) чугунными ядрами, отлитыми по системѣ капитана В. Паллизера съ изумительнымъ успѣхомъ. До сихъ поръ чугуныя ядра не обнаружили почти никакого разрушительнаго дѣйствія на броненосныя плиты; однимъ словомъ, если выражаться

словами герцога Соммерсетскаго, это было все равно, что начать броненосные щиты грязью.

„Въ послѣдніе два или три года, 18-го гусарскаго полка капитанъ Паллизеръ произвелъ, на свой счетъ, много весьма важныхъ опытовъ надъ отливкою чугунныхъ ядеръ въ холодныхъ желѣзныхъ формахъ (moulds), вмѣсто горячихъ оцѣкъ, вслѣдствіе чего онъ, нисколько не увеличивая стоимости отливки, но, напротивъ, уменьшая ее на одинъ пенсъ на каждое ядро, остужаетъ наружную кору чугуна ядра до твердости стали и такимъ образомъ получаетъ чугунный снарядъ, который стоитъ около двухъ шиллинговъ и дѣйствительною почти не уступаетъ стальному ядру, стоящему 50 шиллинговъ. Только 100-фунт. ядра были испытываемы 5-го іюня изъ пушки г. Фредерика, съ 20-фунт. зарядомъ; но всѣ они пробили насквозь 4 $\frac{1}{2}$ -дюйм. броню и глубоко засѣли въ деревѣ сруба. Одна изъ особенностей въ высшей степени драгоцѣннаго изобрѣтенія капитана Паллизера состоитъ въ томъ, что, пробивъ насквозь плиту брони, ядро разрывается въ мелкіе осколки отъ 4 до 8 унцій вѣса, такъ что снарядъ этотъ заключаетъ въ себѣ почти понижывающую силу стального ядра и вмѣстѣ съ тѣмъ, разрываясь на осколки, уподобляется самой сильной бомбѣ. Не было возможности 5-го (17-го) іюня сдѣлать заключеніе о разрушительномъ дѣйствіи этихъ осколковъ, такъ какъ капитанъ Паллизеръ не имѣлъ ядеръ достаточной величины, чтобы пробить насквозь 35-дюйм. толщину дуба и желѣзнаго сруба. Впрочемъ, всѣ присутствующіе при этихъ опытахъ, повидимому, не допускали и тѣни сомнѣнія, что большіе снаряды г. Паллизера непременно пробили бы щитъ и, разрываясь, обнаружили бы точно такое же разрушительное дѣйствіе, какъ и самая огромная бомба. Изъ всѣхъ открытій, которыя явились въ Шебури-нессѣ, немногія обѣщаютъ столько выгодъ, какъ этотъ чугунный остуженный снарядъ г. Паллизера, и можно надѣяться, что скоро польза этого снаряда еще сильнѣе обнаружится при опытахъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ.“

Въ статьѣ: „Нѣсколько указаній о десантахъ“, собраны свѣдѣнія о слѣдующихъ десантныхъ экспедиціяхъ: 1798 года — Наполеона въ Египетъ, 1801 года — Аберкромби въ Египетъ, 1828 года — десантъ нашихъ войскъ въ Анапу, 1830 года — французскій десантъ въ Алжиръ, 1854 года — высадка союзниковъ въ Крымъ, 1855 года — перевозка нашихъ войскъ изъ

Гельсингфорса въ Кронштадтъ и перевозки нашихъ войскъ изъ Поти въ Сухумъ въ 1856 году, изъ Сухума въ Адлеръ въ 1864 году и изъ Гельсингфорса въ Кронштадтъ въ 1864 году, По каждой изъ этихъ десантныхъ экспедицій сообщены только одни голые факты, относящіяся до предметовъ амбаркированія, средствъ перевозки, силы и числа гребныхъ судовъ и т. под. Кремъ того относительно нѣкоторыхъ экспедицій свѣдѣнія о числѣ войскъ, помѣщаемыхъ на различныя суда, при чемъ особенно обстоятельно, въ видѣ подробныхъ таблицъ, представлено описаніе по судамъ анапской экспедиціи десантныхъ войскъ, лошадей, артиллеріи, провіанта и всего вообще принадлежавшаго къ десанту.

Въ заключеніе собранія различныхъ данныхъ, относящихся до десантовъ, сдѣланы объ этихъ трудныхъ предпріятіяхъ слѣдующія общія замѣчанія:

1) Всѣ почти десантныя экспедиціи, въ особенности съ парусными флотами, совершены въ продолжительные періоды, по случаю штилей или противныхъ вѣтровъ, часто при весьма упорномъ сопротивленіи и сильной защитѣ берега и, не взирая на то, достигали цѣли. Съ парами всякій десантъ возможенъ.

2) Правильное распредѣленіе войскъ по судамъ немало содѣйствуетъ успѣху предпріятія.

3) Въ особенности важно имѣть сколько возможно большее число гребныхъ судовъ, дабы разомъ свезти наибольшее число войскъ. Во всѣхъ экспедиціяхъ на это должно обращать главное вниманіе.

4) Принимая дебаркацію за переправу съ корабля на берегъ, можно и о переправахъ войскъ черезъ рѣки или проливы сдѣлать то заключеніе, что переправа войскъ посредствомъ лодокъ часто можетъ быть выгоднѣе переправы черезъ мостъ, что ясно доказывается переправой прусскихъ войскъ черезъ Альзетъ въ іюнь настоящаго (1864) года.

5) Истинный просторъ при десантахъ допускаемъ быть не долженъ, такъ какъ увеличеніе числа судовъ замедляетъ плаваніе и увеличиваетъ издержки.

6) Десантныя экспедиціи требуютъ соображенія многихъ сложныхъ и разнообразныхъ подробностей, и потому сохраненіе подробныхъ свѣдѣній весьма сокращаетъ и облегчаетъ расчетъ при составленіи плана оныхъ.

7) Приложенное свѣдѣніе о подробностяхъ десанта въ Ана-

ну, съ добавленіемъ свѣдѣній о размѣщеніи войскъ по гребнымъ судамъ, могли бы служить образцами для составленія свѣдѣній о десантахъ. Подлинныя распоряженія начальниковъ экспедицій облегчатъ будущимъ начальниковъ и послужатъ для нихъ хорошимъ руководствомъ въ подобныхъ случаяхъ.

8) Полезно было бы обратить вниманіе на то, что употребленіе понтоновъ, начиная съ алжирской экспедиціи, становится почти постояннымъ, и устройство наивыгоднѣйшаго понтона было бы весьма важнымъ пособіемъ десанта.

9) Между прочимъ, не уместно здѣсь упомянуть, что мы, русскіе, первые употребили на войнѣ бомбовыя пушки въ Синопѣ, а пароходы—въ Анапѣ.

— Кромѣ названныхъ статей, въ разсматриваемыхъ номерахъ „Морскаго Сборника“ весьма значительное обиліе разнаго рода интересныхъ свѣдѣній находится въ отдѣлѣ „Современнаго Обозрѣнія“, особенно подъ рубриками „Корреспонденція изъ портовъ“ и „Заграничной Морской Хроники“.

ГВАРДІЯ РУССКАЯ И ГВАРДІЯ ПРУССКАЯ.

(Отвѣтъ нѣмецкимъ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“.)

Въ № 255 „Русскаго Инвалида“ за прошлый годъ была помѣщена статья „русскаго гвардейскаго офицера“, присутствовавшаго при маневрахъ прусской гвардіи. Авторъ статьи, отдавъ должную справедливость добросовѣстности прусскихъ офицеровъ, равно какъ и хорошему обученію и обмундированію гвардіи, замѣтилъ, что наша гвардія, по его понятіямъ, все-таки стоитъ, во всѣхъ отношеніяхъ, выше прусской. Нѣмецкія „Петербургскія Вѣдомости (St.-Petersburger Zeitung)“, неизвѣстно по какимъ причинамъ, сильно обидѣлись за пруссаковъ и, горячо вступаясь за нихъ, поставили на видъ, что едва-ли русская гвардія можетъ быть выше прусской, потому что еще не такъ давно многіе русскіе офицеры были послѣдными имъ познаніи (noch fehlende Kenntnisse zu sammeln).

Мы рѣшительно не понимаемъ, что подадо поводъ *русской* газетѣ (издаваемой на нѣмецкомъ языкѣ) вступить за прусса.

ковъ тамъ усердно, что имъ она пожертвовала не только *своею*, русскою гвардіею, но даже и истинною. Хотимъ думать, что „С.-Петербургскія Нѣмецкія Вѣдомости“ сдѣлали это по невѣдѣнію, которое заставило ихъ принести въ жертву истину, потому что *ни одинъ русскій офицеръ не поѣхалъ въ Пруссію съ цѣлію чему бы то ни было доучиваться*. Послѣ крымской кампаніи, нѣсколько нашихъ офицеровъ были командированы за границу: одни для изученія какого-либо спеціальнаго, практическаго вопроса, другіе съ учеными цѣлями; но въ числѣ ихъ не было ни одного офицера, командированнаго *исключительно въ Пруссію*, съ тѣмъ, чтобы доучиваться. Конечно, большая часть офицеровъ, въ бытность свою за границею, оставались болѣе или менѣе продолжительное время и въ Пруссіи; но изъ этого не слѣдуетъ, да и нельзя выводить заключенія, будто они оканчивали свое образованіе въ Пруссіи и будто, вслѣдствіе этого, наша армія хуже прусской. Если нѣмецкія „Петербургскія Вѣдомости“ основываютъ свои заключенія о достоинствѣ армій на побѣздахъ нашихъ офицеровъ за границу для изученія какого-либо спеціальнаго вопроса, то насъ нисколько не удивитъ, если эта газета когда-нибудь скажетъ, что наша армія хуже датской, потому что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, двое русскихъ офицеровъ были командированы въ Данію для ознакомленія съ даневеркскими укрѣпленіями. Если нѣмецкія „Петербургскія Вѣдомости“ считаютъ такія посвѣщенія русскихъ офицеровъ доучиваніемъ, то, въ силу такой же логики, газета не можетъ не сказать, что прусскіе офицеры пріѣзжали, да и до сихъ поръ пріѣзжаютъ, доучиваться въ нашу армію: мы почти постоянно видимъ этихъ офицеровъ не только въ Петербургѣ, но и въ другихъ мѣстахъ расположенія нашихъ войскъ, даже на Кавказѣ.

Неужели газетѣ неизвѣстно, что каждое образованное государство имѣетъ при значительныхъ европейскихъ арміяхъ своихъ постоянныхъ военныхъ агентовъ и, кромѣ того, командировать, къ случаю надобности, офицеровъ, для ознакомленія съ какимъ-либо спеціальнымъ вопросомъ въ томъ или въ другомъ государствѣ. Впрочемъ, если бы нашихъ офицеровъ дѣйствительно посылали въ Пруссію доучиваться (чего, какъ мы сказали, никогда не было) то, при малѣйшемъ знакомствѣ съ состояніемъ европейскихъ армій, нѣмецкія „С.-Петербургскія Вѣдомости“ убѣдились бы, что немногому выучились наши офицеры въ прусской арміи: у насъ признано, что обученіе

прусской арміи, ея снаряженіе, ея ручное огнестрѣльное оружіе и жарѣвныя орудія хуже нашихъ, слѣдовательно и не могутъ быть примѣнены у насъ.

Доискиваясь причинъ, побудившихъ нѣмецкія „Петербургскія Вѣдомости“ сказать, будто наши офицеры были командированы въ Пруссію для приобрѣтенія недостающихъ имъ еще познаній, мы вспомнили, что въ 1857 году три наши офицера были прикомандированы къ прусской гвардіи. Не этотъ ли исключительный случай подалъ поводъ газетѣ предполагать, что офицеры были посланы въ Пруссію доучиваться? Но извѣстны ли нѣмцамъ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ причины этого факта?

Дѣло было такъ:

Въ 1856 году, лейбъ-гвардіи Финскаго стрѣлковаго баталіона капитанъ Костіандеръ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка штабсъ-капитанъ баронъ Корфъ и лейбъ-гвардіи Семёновскаго полка подпоручикъ баронъ Корфъ были командированы въ Пруссію, въ Бельгію и во Францію съ цѣлію *изучить вооруженіе и обученіе стрѣлковыхъ частей въ этихъ государствахъ*, и, для того, чтобы ближе ознакомиться на практикѣ съ игольвымъ ружьемъ, которое считалось въ Пруссіи государственнымъ секретомъ, они на нѣсколько мѣсяцевъ оставались при прусской гвардіи (*). Съ помощію какого же порядка логическихъ выводовъ могла названная газета обратить эту командировку въ *прикомандированіе русскихъ офицеровъ къ прусской гвардіи для окончательнаго изъ обученія*. Разница между *изученіемъ* и *доучиваніемъ* огромная! Между командировкою въ Пруссію, въ Бельгію и во Францію и прикомандированіемъ къ прусской гвардіи тоже нѣтъ никакаго сходства.... Будемъ однако продолжать изложеніе фактовъ. По возвращеніи названныхъ офицеровъ изъ командировки, были сформированы двѣ учебныя стрѣлковыя роты, одна гвардейская, штабсъ-капитаномъ барономъ Корфомъ и подпоручикомъ барономъ Корфомъ, другая финская, капитаномъ Костіандеромъ. Въ ротахъ этихъ было принято обученіе стрѣлковъ по системѣ, выработанной посланными за границу офицерами и рассмотрѣнной и утвержденной высшимъ начальствомъ (**).

(*) Свѣдѣнія эти было полезно имѣть для безошибочнаго введенія новаго вооруженія и обученія стрѣлковыхъ частей, которыя у насъ тогда только-что сформировались.

(**) Изъ гвардейской учебной стрѣлковой роты была сформирована въ 1856 г.

Не вдаваясь въ описаніе системы, принятой этими офицерами—что было бы здѣсь неумѣстно—мы укажемъ только на то, въ чемъ они слѣдовали и въ чемъ не слѣдовали прусскому способу обученія стрѣлковъ.

Въ основаніе обученія, принятаго вышеозначенными офицерами, легло одиночное, индивидуальное развитіе ладдаго стрѣлка, чего въ Пруссіи, по краткости срока службы нижнихъ чиновъ, даже и не стараются достигнуть. Вслѣдствіе этого умственное развитіе стрѣлковъ и все, такъ называемое, словесное обученіе было принято *не прусское*. Фронтное образованіе, обученіе бѣгу, гимнастикѣ, фехтованію и плаванію, было принято тоже *не прусское*. Обученіе стрѣльбѣ въ цѣль было принято *прусское*, съ нѣкоторыми однако измѣненіями въ немъ; но какъ оно, несмотря даже и на измѣненія, оказалось неудобопримѣнимымъ, то подверглось столь кореннымъ передѣлкамъ, что въ скоромъ времени невозможно было узнать въ немъ прусскаго способа обученія. Обученіе примѣненію къ мѣстности было усвоено дѣйствительно *прусское*, и хотя оно производилось далеко не такъ педантично, какъ въ Пруссіи, однако вызвало противъ себя цѣлый рядъ статей, къ которымъ позднѣе присоединились и статьи барона Корфа, одного изъ офицеровъ, вводившихъ это обученіе у насъ. Онъ измѣнилъ свой взглядъ на этотъ предметъ вслѣдствіе пріобрѣтенной боевой практики.

Итакъ, изъ всего, чему обучаются наши стрѣлки, *сполнь прусскаю* было только примѣненіе къ мѣстности; но и то не оправдалось боевою практикою. Станутъ ли нѣмецкія „Петербургскія Вѣдомости“, и послѣ изложенія этихъ фактовъ, утверждать, будто наши офицеры ѣздили въ Пруссію *пріобрѣтать недостающія имъ еще познанія*?

Тѣми же фактами опровергается, кромѣ заявленія, будто наши офицеры ѣздили *доучиваться* въ Пруссію, и предположеніе, будто гвардія наша не можетъ быть лучше прусской. Иначе обученная, снаряженная и вооруженная, почему же она не можетъ быть лучше? Да позволить же намъ почтенная газета усомниться въ справедливости предпочтенія, отданнаго ею прус-

стрѣлковая офицерская школа, при устройствѣ которой служила образцомъ не прусская шпандауская, а французская венсенская школа. Практическое обученіе было принято въ нашей школѣ то же, что и въ гвардейской учебной стрѣлковой ротѣ.

ской гвардіи, усомниться даже и при видѣ лавровъ, которыми увѣнчала себя прусская армія, сражаясь въ прошломъ году съ малочисленною, мало-обученною и дурно-вооруженною датскою арміею.

Мы взяли за перо съ тѣмъ, чтобы уличить нѣмцевъ „Петербургскія Вѣдомости“ въ искаженіи истины, но отнюдь не для того, чтобы защитить честь нашей арміи. Наша армія слишкомъ хорошо сознаетъ собственное свое достоинство и не имѣетъ надобности обращать вниманіе на толки тѣхъ органовъ гласности, которые присвоиваютъ себѣ право быть судьей въ дѣлѣ имъ незнакомомъ.

* * *

П О П Р А В К А .

Въ „Военномъ Сборникѣ“ за январь мѣсяць 1865 года, съ особою оговоркою отъ редакціи, помѣщены были: „Замѣтки на замѣтку о донскомъ коннозаводствѣ“.

Въ одной изъ „замѣтокъ“, г-нъ Д. М., говоря о войсковомъ конскомъ заводѣ, на страницѣ 115, прибавляетъ, что „генералъ-адъютантъ Гринвальдъ, при общемъ взглядѣ на матокъ войсковаго конскаго завода, призналъ ихъ не уступающими въ качествахъ маткамъ государственныя заводовъ“.

По желанію генералъ-адъютанта Гринвальда, заявленному въ письмѣ его высокопревосходительства къ главному редактору, отъ 11-го января, для возстановленія истины мы спѣшимъ сдѣлать извѣстнымъ, что приведенныя изъ статьи г-на Д. М. выраженія, ошибочны, потому что, при осмотрѣ войсковаго коннозаводства, генералъ-адъютантъ Гринвальдъ „никогда матокъ онаго не сравнивалъ съ матками государственныхъ заводовъ“.

Ред.